УДК 304.5

DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-113-120

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ

Самаке К.*Университет социальных наук и менеджмента**Мали, г. Бамако, Коуликоро, Республика Мали*

Аннотация. В материале анализируется процесс перехода от информационного общества к обществу, основанному на знании, характерному для сегодняшнего развития социума. Автор делает вывод, что в настоящее время происходит смена приоритетов в целеполагании, при которой технико-технологическая составляющая становится силой, способной определять цели для социальных систем и элит общества. Это вносит изменения в аксиологические основания бытия научного сообщества, системы высшего образования; взаимодействия между гуманитарной и технической сферами; целеполагания в фундаментальных и прикладных исследованиях. В данных контекстах автором анализируется процесс коммерциализации науки и образования, который носит объективный характер в условиях становления когнитивного капитализма.

Ключевые слова: знание, информация, общество знания, постиндустриальное общество, информационное общество, когнитивный капитализм, технократическая культура, управление знаниями, коммерциализация науки и образования

TRANSFORMATION OF SOCIAL SYSTEMS UNDER THE CONDITIONS OF KNOWLEDGE SOCIETY FORMATION

K. Samake*Bamako University of Social Sciences and Management**Mali, Bamako, Koulikoro, Republic of Mali*

Abstract. The article analyzes the process of transition from an information society to a society based on knowledge, characteristic of today's development of society. In this regard, the author concludes that currently there is a change of priorities in goal-setting, in which the technical and technological component becomes a force capable of determining goals for social systems and elites of society. This changes the axiological foundations of the existence of the scientific community, the system of higher education, the interaction between the humanitarian and technical spheres; goal setting in fundamental and applied research. In these contexts, the author analyzes the process of commercialization of science and education, which is objective in terms of the formation of cognitive capitalism.

Keywords: knowledge, information, knowledge society, post-industrial society, information society, cognitive capitalism, technocratic culture, knowledge management, commercialization of science and education

Современное общество базируется на знаниях, которые представляют собой основной ресурс, обеспечивающий результативность в любой сфере жизни – экономической, социальной, политической и духовной жизни. Социальные организации выступают в качестве потребителей знаний, поскольку вынуждены решать новые задачи, возникающие в ходе перманентных изменений, обусловленных социокультурной динамикой. Такие задачи определяют потребности в новых технологических решениях и интерес к новым управленческим моделям, что стимулирует процессы формирования и развития новых знаний. При этом функционирование знания в современном обществе в значительной степени подчинено рыночным законам: спрос на новые знания приводит к возникновению нового предложения, что, в свою очередь, оказывает влияние на производство знаний.

В связи с этим актуализируется вопрос о переходе от понятия «информационное общество» к понятию «общество знания». Такой вопрос должен быть задан как в политическом, так и в экономическом контекстах. Политический контекст предусматривает обращение, прежде всего, к проблемам власти и целеполагания. В связи с этим, как указывает М. Г. Гуэрта, существенно влияние технико-технологического развития на политическую сферу [11]. Это означает и всё большее усиление влияния содержания технико-технологического знания на политику, что приводит к ситуации, когда управляющие системы различных уровней становятся зависимыми от тех или иных технических императивов, что было невозможно предста-

вить в индустриальную эпоху. Имеет место смена приоритетов в целеполагании – технико-технологическая составляющая становится силой, которая способна определять цели для социальных систем и элит общества.

Происходит изменения и в элите общества: её членами становятся высококвалифицированные специалисты в области техники и технологий, эксперты в различных областях жизнедеятельности общества, исследователи, программисты. Причём вхождение в такое сообщество достигается не политическими механизмами кооптации, принятыми в индустриальном и традиционных обществах. Как отмечает М. Г. Гуэрта, сегодняшняя ситуация такова, что все непосвящённые в экспертное знание исключены из публичной деятельности, поскольку только специалисты могут нести ответственность за принимаемые решения, которые предполагают привлечение науки и технологий. Тем самым правительства перестают носить политический характер [11, с. 201]

Политические действия, за исключением стихийных акций, предполагают наличие предварительного расчёта, включающего в себя предвидение результатов и выбор средств для достижения желаемого результата. Субъекты политических действий складываются в соответствии с политической системой данного общества. Однако влияние науки, техники и технологий на функционирование и развитие политической системы не учитывается ни теоретически, ни практически. Как пишет Е. А. Самарская, изобретения вызывают изменения в иерархической структуре общества. При этом техника проникает в струк-

туры социума подобно тому, как это происходило раньше с идеологией. Технологии превращаются не только в феномен сознания, они становятся формами общественной практики, частью функционирования социальных институтов. Технологии представляют теперь не только материальные силы, они являются и феноменами культуры, родом идеологии» [7]. Указанные выше изменения в общественной иерархии становятся зависимыми в большей степени от содержания знания, нежели от его объёмов, что показывает невозможность сведения знания только к информации.

Концептуально новый этап развития общества, который базируется на знаниях, обоснован экономистами, хотя его идея берёт своё начало в теориях Ф. Бэкона и А. Сен-Симона. Возникновение общества, базирующегося на знаниях, предсказано А. Н. Вернадским в теории о ноосфере. К началу 70-х гг. XX в. эмпирически собранные данные побудили исследователей обратиться к анализу структурных изменений в экономике и менеджменте, что позволило перейти от идеи общества знаний к обоснованным концептуальным утверждениям. В это время П. Дракером вводится термин «*knowledge worker*», который означает работника, оперирующего знаниями, иначе говоря, разбирающегося в решении проблем их производства и применения. Руководство такими работниками является более сложным делом, чем руководство обычными работниками. Значительно более мобильный работник, создающий знания, трудноуправляем не только потому, что его труд сложнее и требует более высокой квалификации, но и по

причине его отождествления себя со своими знаниями, а не с социальной организацией [10, с. 97].

Производство и применение знаний превращается в центр новой социальной системы, вокруг которой формируются новые социальные институты и концентрируются традиционные институты. Поэтому возникает основание для появления понятия «когнитивный капитализм», предполагающее выход за пределы теорий классического капитализма. Это позволяет именовать такой капитализм постфордизмом, поскольку фордизм представляет собой систему отношений между капиталом и трудом, которая характерна для второй половины XIX и всего XX вв., и сохраняет черты классической модели капитализма. Такая модель капитализма предполагает конвейерную автоматизацию производства, высокий уровень стандартизации и разделения труда, что лежит в основе индустриализации и получения прибавочного продукта в виде промышленных и сельскохозяйственных товаров, а также услуг. Когнитивный же капитализм делает основным источником прибыли знания, преобразуя традиционные индустриальные практики.

Модель когнитивного капитализма ориентирует науку на интересы заказчиков, что способствует изменению её роли в обществе. В связи с этим Д. Белл утверждает, что наука представляет собой как базовую ценность, так и базовый социальный институт [1, с. 57].

В связи с этим особую актуальность имеют отношения специалистов технических наук и гуманитариев, которые проявляются как на деятельностном, так и на аксиологическом уровнях.

Ч. П. Сноу указывает, что специалисты технических наук являются носителями других, нежели гуманитарии, ценностей [8, с. 22]. Последние выступают носителями гуманистических ценностей, лежащих в основе современной европейской цивилизации и восходящих к эпохе Возрождения.

Ценностями же специалистов технических наук являются цели, для достижения которых изобретена и эксплуатируется техника, созданы и совершенствуются технологии, позволяющие обеспечить результативность и эффективность хозяйственно-экономической деятельности. Однако если только эти ценности оказываются в основе общественного устройства, то общество будет существенно отличаться от социума, в котором господствуют гуманистические ценности [6, с. 77–78].

Поэтому Ч. П. Сноу обнаруживает угрозу в таком явлении как формирование технократической культуры, выступающей в качестве альтернативы гуманизму в ракурсе своих аксиологических оснований. Тем более что обладание техническими знаниями в настоящее время делает возможным рекрутирование их носителей в политику. Это превращает ценности технократов в ценности, как минимум, части властной элиты, а как максимум – в ценности общества в целом.

Но объективно техника и технологии всё более основательно вторгаются в экономические, социальные и политические процессы, что отражается в принимаемых управленческих решениях на всех уровнях социума. Это предполагает активное привлечение учёных технического профиля и экономистов в управленческую де-

ятельность. Тем самым высшие гуманистические ценности и средства достижения результативности и эффективности становятся всё менее связанными друг с другом, начинают существовать независимо друг от друга. Государственная и экономическая бюрократия могут как способствовать интеллектуальному интересу к изучению проблем общества, так и ограничивать его, считая аксиологическую проблематику второстепенной и даже излишней для исследований.

Однако человеческое общество, даже первобытнообщинное, не может существовать без техники и экономической деятельности, что превращает в универсальные ценности результативности и эффективности. В аксиологических основаниях общественной жизни они могут быть ориентированы на воспроизводство традиций и поддержку образцов поведения, связаны с постижением трансцендентного и с гуманизмом, утверждающим уникальность личности человека, её достоинство и права. Ориентация таких ценностей может быть иной, когда доминантой аксиологических оснований общества является экономическая эффективность, что характеризует капиталистическое общество. При этом фордизм придаёт ему техническую рациональность, порождая другие ценности и придавая традиционным ценностям иное место в аксиологической структуре социума.

Проблема ценностей в контексте идеи общества знания приобрела особую актуальность в контексте глобального кризиса, поразившего мир в конце «нулевых» годов XXI в. Нельзя не согласиться с утверждением Д. В. Ефременко, что общество знания

на определённом этапе своего развития оказалось в резонансе с тенденциями развития глобальной финансово-экономической системы. Это делает актуальным раскрытие сущности когнитивного капитализма или посткапитализма, которое возможно путём анализа хода и последствий мирового экономического кризиса начала XXI века» [3, с. 61].

Характеризуя современную стадию развития капитализма как когнитивный капитализм, следует проанализировать отличия понятия «знание» от понятия «информация». В первом приближении такое отличие касается разных уровней формализации: информацию возможно обрабатывать машинным способом, хранить и передавать в неизменном виде. Знание же предполагает наличие знающего субъекта. Знанием можно делиться, однако усвоение той или иной информации превратит её в знание лишь в результате активной переработки субъектом, который её воспринимает. Его мыслительная деятельность предусматривает активизацию познавательных компетенций, что делает невозможным использование и передачу знания без соответствующей рефлексии, а значит – без субъективного отношения к нему со стороны познающего.

Ещё одно отличие информации от знания заключается в том, что последнее неотделимо от познания и от сознания, а информация, напротив, отделима от субъекта, его познавательной активности. Знание может выступать основанием того или иного рационального действия, а информация, не подвергаясь мысленной обработке, лишь способна породить аффективные или традиционные действия, в

которых, в первом случае, мысль замещается рефлексом или эмоцией, а во втором случае, уже полученное и сохранённое знание воспроизводится как реакция на тот или иной стимул.

Управлять знаниями крайне сложно, поскольку обладание ими, предусматривающее их передачу и применение, представляет собой рефлексивный процесс, предполагающий совершение умственных усилий и сохранение высокого уровня субъективной интерпретации. Как указывает в этой связи Б. З. Мильнер: «Научиться управлять знаниями означает войти в особый мир понятий, категорий, вариантов, структур, методов, процедур, технологий, оценок. Это – новая область приложения организационных механизмов, управленческих приёмов и экономических стимулов, порождающая реальные конкурентные преимущества компаний. Одновременно это и новые признаки профессионализма в управлении» [5, с. 57].

Управление знаниями меняет не только правовые, политические и хозяйственные институты, но и связи между ними. Наиболее существенным выступает здесь то, что в результате возникновения знаниевой экономики образуется гибрид производства и образования. При этом следует отметить, что обладатель знания передаёт его в ходе образовательного процесса обучающимся, но при этом он продолжает оставаться обладателем знания, имея возможность делиться им ещё многократно. Новый же обладатель знания получает возможность его тиражировать, продавая или используя иначе. В такой ситуации возникает впечатление, что рыночная стоимость знания остаётся неизменной величи-

ной, поскольку неизменно остаётся само знание. Однако данное впечатление обманчиво. Ценность знания, превращённого в товар, обратно пропорционально его тиражу. Субъект, который выходит на рынок с предложением, базирующимся на его знаниях, умениях, навыках и компетенциях, будет тем успешнее в конкурентной борьбе, чем лучше будут защищены его знания, умения, навыки и компетенции от копирования. Это означает, что знаниевая экономика испытывает потребность в принципиально ином уровне защиты интеллектуальной собственности при том, что она нуждается как в защите, так и в рекламе. Производитель знаний должен вместе с юристами зафиксировать уникальность своих знаний, превратив их в собственность, и создать надёжные в правовом смысле экономически эффективные механизмы, дающие возможность обладателю прав не только окупать затраты на тиражирование знаний, но и получать прибыль от данного процесса.

Претерпевает изменения и модель научного поиска, целеполагание в которой формируется на основании рыночной логики. Учёный начинает ориентироваться на производство знаний, которые можно коммерциализировать, т. е. сделать приносящими доход. Это означает, что приращение новых знаний становится одним из видов производства, базисом которого является выдвижение гипотез и разработка идей. Тем самым капитализм становится когнитивным – знания, а не те или иные материальные товары становятся источником стоимости.

Однако такая трансформация может достаточно непредсказуемо повлиять

на ведущего производителя знаний – научное сообщество. В связи с этим Д. Бок прямо указывает на опасность коммерциализации системы высшего образования, следствиями которой являются нанесение ущерба академическому сообществу в виде репутационных потерь и подрыв экономических стандартов [2]. Отмечая их, он напоминает историю с софистами, ориентированными на прибыль, и Сократом, стремившемся к истине, которая может повториться в условиях постиндустриального общества. Конечно, коммерциализация также может быть направлена на поиск истины, однако наличие двух целей научной деятельности не может не оказывать влияние на содержание и организацию научных исследований.

Под подрывом экономических стандартов Д. Бок имеет ввиду смену критериев, на основании которых осуществляется кадровая политика в научной сфере и сфере высшего образования [2]. Карьера в научных организациях и вузах всегда ориентировалась на экспертные оценки научного и образовательного сообществ, которые в качестве главного критерия результативности деятельности признавали вклад того или иного учёного в развитие науки и образовательной деятельности. В качестве показателей при этом использовались: наличие учёных степеней и званий, количество опубликованных монографий и статей. В содержании данного механизма отсутствовал критерий, связанный с коммерциализацией результатов научной деятельности учёного [9, с. 37].

В настоящее же время вузы становятся по сути своей коммерческими организациями, где поиск знаний пе-

рестаёт быть ведущей целью деятельности. Такой поиск осуществляется благодаря благотворительности или бюджетного финансирования, которые не рассчитаны на получение прибыли. Университетам же отводится роль производителя компетенций, ориентированных на экономический рост, что предполагает отношение к образовательным организациям высшего образования как к виду бизнеса. Всё это вызывает значительное недовольство большей части профессорско-преподавательского состава.

Коммерциализация науки приводит к тому, что фундаментальные науки начинают обеспечивать функционирование технических наук, а не наоборот, как это было ранее. Поэтому в обществе знания при распределении финансирования научной сферы фун-

даментальная наука обеспечивается средствами по остаточному принципу. Грантовая основа, эффективная при организации прикладных исследований и коммерциализации науки, мало приспособлена для развития фундаментальных исследований [4, с. 30].

Таким образом знания, отрываясь от науки и от образования, создают новую реальность. Уровень знаний становится ведущим фактором социальной дифференциации: господствующий слой составляют информированные, а неинформированные занимают подчинённое положение. Тем самым очаг социальных конфликтов переходит из экономики в сферу информационной культуры.

*Статья поступила
в редакцию 10.10.2019*

ЛИТЕРАТУРА

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
2. Бок Д. Плюсы и минусы коммерциализации // Отечественные записки. 2003. № 6 (15). URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/6/plyusy-i-minusy-kommercializacii> (дата обращения: 01.10.2019).
3. Ефременко Д. В. Концепция общества знания как теория социальных трансформаций: достижения и проблемы // Вопросы философии. 2010. №1. С. 59–66.
4. Марков К. А. Коммерциализация научных исследований в университетах США // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. 2009. № 5. С. 26–34.
5. Мильнер Б. З. Концепция управления знаниями в современных организациях // Российский журнал менеджмента. 2003. № 1. С. 53–60.
6. Пржиленский В. И. Социальные технологии: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Норма, 2016. 176 с.
7. Самарская Е. А. Технократическая власть и судьбы демократии // Философская мысль. 2013. № 6. С. 590–624.
8. Сноу Ч. П. Две культуры. М.: Политиздат, 1973. 140 с.
9. Фуллер С. Социология интеллектуальной жизни: карьера ума внутри и вне академии. М., 2018. 246 с.
10. Drucker P. F. Landmarks of tomorrow. A report on the new «post-modern» world. 1959. New York: McGraw-Hill, 2012. 784 p.
11. Gouerta M. G. Critique de la raison technocratique. Paris: Dune, 1996. 420 p.

REFERENCES

1. Bell D. *Gryadushchee Postindustrialnoe Obshchestvo. Opyt Sotsialnogo Prognozirovaniya* [Future Post-Industrial Society. Experience Of Social Forecasting]. Moscow, *Academia* Publ., 2004. 788 P.
2. Bok D. [The Pros and Cons of Commercialization]. In: *Otechestvennye Zapiski* [Annals of the Fatherland]. 2003. № 6 (15). Available At: [Http://Www.Strana-Oz.Ru/2003/6/Plyusy-I-Minusy-Kommercializacii](http://Www.Strana-Oz.Ru/2003/6/Plyusy-I-Minusy-Kommercializacii) (Accessed: 01.10.2019).
3. Efremenko D. V. [The Concept of Knowledge Society as a Theory of Social Change: Achievements and Problems]. In: *Voprosy Filosofii* [Studies in Russian Philosophy], 2010, No. 1, Pp. 59–66.
4. Markov K. A. [The Commercialization of Scientific Research at U.S. Universities]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo Universiteta Imeni N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky], 2009, No. 5, Pp. 26–34.
5. Milner B. Z. [The Concept of Knowledge Management in Modern Organizations]. In: *Rossiiskii Zhurnal Menedzhmenta* [Russian Journal of Management], 2003, No. 1, Pp. 53–60.
6. Przhilensky V. I. *Sotsialnye Tekhnologii: Fundamentalnye I Prikladnye Problem* [Social Technologies: Fundamental and Practical Problems: A Monograph]. Moscow, *Norma* Publ., 2016. 176 P.
7. Samarskaya E. A. [Technocratic Power and the Fate of Democracy]. In: *Filosofskaya Mysl* [Philosophical Thought], 2013, No. 6, Pp. 590–624.
8. Snou C. P. *Dve Kultury* [Two Cultures]. Moscow, *Politizdat* Publ., 1973. 140 P.
9. Fuller S. *Sotsiologiya Intellektualnoi Zhizni: Karera Uma Vnutri I Vne Akademii* [Sociology of Intellectual Life: the Career of Mind Inside and Outside Academy]. Moscow, 2018. 246 P.
10. Drucker P. F. *Landmarks of tomorrow. A report on the new «post-modern» world.* 1959. New York: McGraw-Hill, 2012. 784 p.
11. Gouerta M. G. *Critique de la raison technocratique.* Paris: Dune, 1996. 420 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Самаке Киндия – преподаватель института менеджмента Университета социальных наук и менеджмента;
e-mail: daout88@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samake Kindia – lecturer at the Institute of Management, Bamako University of Social Sciences and Management;
e-mail: daout88@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Самаке К. Трансформация социальных систем в условиях становления общества знания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2019. № 4. С. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-113-120

FOR CITATION

Samake K. Transformation of Social Systems under the Conditions of Knowledge Society Formation. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Philosophy*, 2019, no. 4, pp. 113–120.
DOI: 10.18384/2310-7227-2019-4-113-120